

Защитный механизм общественного устроения – констатация проблемы отклоняющегося поведения и рамок этого отклонения. С одной стороны, существующая градация поведенческих норм обеспечивает оптимальный фон существующих взаимоотношений в обществе. С другой стороны – результатом подобной констатации являются определения вариантов «можно-нельзя» в своих многочисленных вариациях. Определить и устанавливать новые нормы в таких условиях особенно легко. Законотворчество в этих условиях получает наибольшую поддержку и привилегии.

Отношение между нравственностью и правом в обществе имеет двойственную природу и изначально было подчинено делению имманентно-сущностной нравственной жизни и жизни согласно закону. Но в большинстве случаев «закон есть форма борьбы с несовершенством мира и человека, сама отражающая на себе это несовершенство». Противоречие между ценностями личности и гражданина – закономерное. Оно измеримо в формате закона. Парадокс их соотношения и невозможность реализации в обществе уровне законов и поведения конкретного индивида выявляется в потребности общества изучать и рассматривать его.

Е. С. ЮРКОВА

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУТЕЙ СГЛАЖИВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ

Во многих концепциях XX в. подчеркивается, что духовно-интеллектуальные возможности помогли человеку создать искусственную среду обитания, напоминающую комфортный рай, при этом, одновременно, сам современный человек приобрел сущностные черты искусственности. В философии последних десятилетий подобная трансформация представлена в виде таких характеристик, как «одномерный человек» (Г. Маркузе), «корпоративный человек» (Р. Миллс), «человек организации» (У. Х. Уайт), «экономический человек» (А. Печчеи), «сетевик-навигатор» (О. Г. Генсаретский) или «телематический человек» (Ж. Бодрийяр, Дж. Мартин). Эти обезличенные характеристики, навевающие образ машины отражают ситуацию нарушенного равновесного состояния человека, который живет с дефицитом человеческих качеств – сострадания, чуткости, совести, стыда, верности и др.

С древних времен философия рассматривала человеческое проживание в границах морально-оценочной оппозиции «добро-зло», или ее вариации – «правильное-неправильное». Разрешение оппозиционного требует наличия и взаимосвязи трех аспектов – мотивационного (аспекта цели), аксиологического (аспекта смысла) и морального (аспекта ответственности). Все аспекты предполагают учет специфических особенностей культурно-исторической обусловленности проживаемого периода, в том числе аксио-антропологический кризис. С конца XX в. это – сверхинформатизация, компьютеризация всех сфер жизни общества; культурная универсализация, которой способствуют Интернет, агрессивность СМИ, культурная потребительская «всеядность», господство дизайнерских технологий; иллюзия личной независимости во всех

сферах жизнедеятельности, информационная доступность и возможности самореализации.

В целом антропологические девиации образуют три ареала: духовной практики, бессознательного и виртуальности. Основным кризисным признаком современной культуры можно назвать признак *деградации нормативно-регулятивной функции культуры*. Этот признак проявляется в эффекте *смешения* ценностных установок. Суть эффекта – в непрерывно происходящей инверсии смыслов – ценностей в антиценности в общественном сознании, что порождает специфическую его кентавризацию: наличие как в общественном сознании, так и в сознании индивида несовместимых мировоззренческих оценочных позиций. Особенно в молодежной среде не редки такие признаки духовного состояния, как аморализм и нигилизм; сказывается временной характер морально-нравственного становления индивида и формирующий фактор со стороны СМИ и массовой культуры.

Основные противоречия, лежащие в основе большинства кризисных и катастрофических процессов культуры и человека, формируются в ареалах *духовной практики и бессознательного*, что отражается в феноменах массовой культуры, мозаичности культуры и сознания, и инверсионности «ценность-антиценность» как в личном, так и общественном сознании.

Свобода в современном мире – это больше иллюзия, релятивность, чем реальность; человек «опутан» многообразными зависимостями – от природных до социально-культурных. Постмодернистская «машина желаний» выведена из подчинения ирреальности бессознательных мотивов, в том числе и в отношении бескорыстных актов, «дара», как их называет Деррида. Проблема философии в недавнем прошлом была в том, что в целом, понимая и осмысливая фактор деградации человека со стороны культуры, теоретики идеализировали нравственные возможности и самосознательный потенциал человека. Мы полагаем, что классический рационализм стремился вывести несвободу из ограниченности человеческого разума, а современный рационализм – из невозможности человека до конца адекватно отреагировать на свое присутствие в сложном динамично меняющемся мире. Но как бы ни были различны постмодернизм и рационализм, обе тенденции в современной философии придают огромное значение внутренним резервам человека, в первую очередь в деле процесса самореализации, что обычно отождествляется с творчеством. Да, понимание и человечность – это залог преодоления кризисного состояния духовности человека. Но талантливо огласить проблему, еще не значит решить ее. Идеализация в теоретической литературе последствий «расширения ноосферы» (В. И. Вернадский) с помощью новой технологии и усовершенствованной техники, в реальности оказалась двойственной – стремление человека подчинить природу своим нуждам обернулась губительным процессом ее разрушения, что, в конечном счете, вызывает тревогу по поводу будущего самого человека.

В целом, к природе человек не испытывает того внутреннего чувства, которое В. Соловьев назвал «взаимоотношением нравственного очищения». Подобная безразлично-нигилистическая позиция есть закономерный итог

развития человека в тисках «предельного существования» и настроенности на динамику повседневного состояния «спешить жить». Современная антропологическая ситуация сопровождается нивелированием *аксиологической* стороны культуры в контексте эффекта смещения ценностных установок (смыслов ценностей) через политику, социум, экономику, поток информации. Через СМИ массовый вкус одобряет определенные (точнее, «предельные») псевдокультурные формы, которые ему тождественны в плане уровня потребления. Возможности современной культуры многообразны – она может культивировать и превращать в стандарты животные потребности и растительные мотивы, но в то же время, она, подчиняясь общей динамике темпов жизни, направляет воспитание и образование, позволяя ускорить процесс человеческого созревания самосознания (рефлексию), аксиологизировать отношение к миру.

Психология ассоциирует рефлексию с самоотчетом и самооценкой человеком себя в понимании и представлении других. В теории выделяют такие виды рефлексии, как элементарная (рассмотрение и анализ знаний и поступков, их границ и значений), научная (критика и анализ теоретического знания), философская (осознание и осмысление определенных оснований бытия и мышления, человеческой культуры в целом) и культурная. Последний вид наименее исследован, иногда представлен подвидами профессиональной рефлексии, но в аксио-антропологическом аспекте культурная рефлексия предполагает способность человека делать себя своей собственной проблемой.

К началу XXI в. человек в своем индивидуальном самоопределении достиг состояния решающей независимости от забот о самом необходимом. Также сегодня суверенная воля индивида не испытывает значительного давления со стороны государственной власти. И современный человек имеет возможность жить на принципах широкого мировоззренческого и социального маневра. Но по мере высвобождения он сталкивается с проблемой желания действительно разносторонне реализовать свою свободу. Стремление хоть чем-то себя занять ставит субъекта в ситуацию внутренней зависимости, которая обеспечивается необходимостью свободного самоопределения. Но здесь также в какой-то момент человек оказывается в состоянии бытийной дисгармонии, и происходит понимание искусственности жизненных целей типа «иметь». Говоря словами Г. Торо, «жизнь беднее, когда ты всего богаче».

Человеческая особенность такова, что, обладая информацией, которая имеет колоссальный преобразовательный потенциал, субъект может знать, как создать какую-то замысловатую вещь, сконструировать сложный механизм, вычислить сложнейшую траекторию движения небесного тела, но при этом быть абсолютно слепым в отношении собственной жизни и запутавшимся в ее хитросплетениях.

Проблемы проживания-переживания наиболее специфично отражают экзистенциалисты. Мы полагаем, что проблема в том, что желание преодолеть дисгармонию не всегда сопровождается личностным рефлексивным поиском: иному человеку достаточно погрузиться в *виртуальное* состояние, которое всегда наготове, надо лишь включить кнопку телевизора, видеомаягнитофона

или компьютера, т.е. человек ограничивается возможностями «предельного опыта». Не все свои переживания человек подвергает осмыслению, делает предметом рефлексии. Но если это происходит, то окружающее превращается в часть коммуникативного пространства субъекта, приобретая образ или чувство (перефразируя Канта – «вещь-во-мне»). Этот образ или чувство важны для человека, особенно в контексте его отношений с другими, с обществом (т.е. становятся базисными формами коммуникации).

Человек живет потребностями и согласно им истолковывается мир: желания рождают смысл окружающему. Проблема в соотношении потребностей-желаний и ответственности за их достижения, или, что, точнее, в базовых принципах, определяющих самореализацию свободы. Человек посредством духовного в себе свободен от мира, от органического, от жизни, от всего того, что относится к жизни, в том числе при определенных обстоятельствах и от собственного интеллекта. Свобода наиболее полно реализуется в творчестве, создавая не только культуру как среду, но и себя, в контексте креатуры.

Проблема творчества – одна из самых загадочных и волнующих. Что-то, что вызывает чувство возвышенности и гармоничности, и есть результат глубин человеческого духа. Появление в XX в. феномена массовой культуры, угасание действительно творческих возможностей современного периода цивилизации заставили исследователей более пристально изучать данный феномен на индивидуальном уровне. Человек с древности задавался вопросом: откуда берется новое – идея, мысль, образ? Это есть сумма прошлых знаний в новом варианте или нечто идеальное, приближающее человека к чуду? Или творчество – своеобразный образ жизни? Лексически, понятие «творчество» имеет два основных значения: узкое и широкое. Первое значение под творчеством подразумевает такую деятельность, в результате которой появляется что-то новое: мысли, произведения, гипотезы, идеи, теории и т.д. Второе значение рассматривает творчество как специфический способ самореализации личности, специфику доказательства себе и другим, что человек не зря живет.

М. Шелер представляет видение процесса культурного творчества как соединение в человеке демонического начала – порыва, с разумным началом – духом. Соединение жизненного порыва и духа философ называет животворением. Как бы ни были сущностно различны жизнь и дух, они неразрывны: дух пронизывает человеческую жизнь идеями и ценностями, без которых она не имела бы никакого смысла, в то время как жизнь предоставляет духу саму возможность деятельностного проявления и самоосуществления. Энергия порыва преобразуется в виде культурных актов, и энергия сублимирует в культуру. Но современный ее творец находится в ситуации «чрезмерной интеллектуализации», которая приводит либо к крайнему эстетизму, либо к скатыванию к качественному дизайну.

Старость и жизненное утомление могут реализоваться в обратном процессе – ресублимации, имеющей смысл «восстания природы в человеке и всего, что есть в нем темного, порывистого, импульсивного – ребенка против

взрослого, женщины – против мужчины, масс – против старых элит, цветных – против белых, всего бессознательного – против сознательного, самих вещей против человека и его рассудка – оно должно было когда-нибудь начаться!» (Шелер М.) Таким образом, ресублимация есть *деградация* духа и чтобы человек не поставил себя вне природы, в том числе и собственной, ему необходимо непрерывно поддерживать во «включенном» состоянии внутренний механизм *рефлексивной самодетерминации*.

По Ницше, человек – «неудавшееся произведение природы». Рассуждая о кризисе современного человека, говорить нужно в первую очередь о кризисе аксиологическом, учитывая, что в определенном отношении антиподом аксиологического (духовного) выступает телесное. Тело – это один из главных объектов, через который духовное сублимирует и символизирует, культивируясь в образы и смыслы. Телесное моделирование – один из определяющих символов нашего времени, постоянно утверждаемый эталон в СМИ. Образец телесного идеала может меняться, принимать характерные черты (например, «культурист», «вамп», «унисекс» и др.), но он есть неотъемлемая часть явно или подсознательно желаемого.

По нашему мнению, проблема в том, что стремление иметь красивое в общепринятом понимании тело, нередко подчиняет сознание индивида, и тогда вполне оправданное желание соответствовать идеалу, превращается в квазипотребность. Спорт, диета, внешние атрибуты образа – все это некий обязательный набор, необходимо довлеющий над сознанием и психикой субъекта. Образ требует не просто усилий, но подчас жертв со стороны человека, значительных расходов и даже насилия над собственной природой (особенно, когда человек идет на хирургическое вмешательство). Результатом такой целеустремленности может быть желаемое – красивое, спортивное тело. Но итог бывает и плачевным – потерянное здоровье, кризис духа и разочарование в жизни.

Психологическое состояние человека всегда предполагает совокупность пространственного измерения и свободы. Становится понятным выражение, что «тело – это опосредствующее звено между жизнью и бытием, в форме тела жизнь делается новым бытием – человеком» (Круткин В. Л.). Тело является структурным элементом интенционального процесса: движения человека являются базисом интенциональности, или, следуя мысли М. Мерло-Понти, сознание в первую очередь есть не «я думаю», но «я могу». Сознание вообще предметно, оно всегда есть «сознание о». Человек до определения своего отношение к Миру уже существует в этом Мире телесно.

Парфразируя М. М. Бахтина, человек постоянно находится на определенных культурных границах. Но если известный философ говорил о границах «своей» и «чужой» культуры, то здесь имеются в виду границы «личной» и «чужой» субкультуры. Необходимость для человека ориентироваться в непрерывно открывающемся для него мире базируется на амбивалентности сознания. Потребность постоянно ориентироваться в новой субкультурной среде сопровождается ресублимацией, что, так или иначе, отражается в эффекте смещения ценностных установок в процессе проявления

себя, отношениях экологических, социальных, культурных, межличностных и пр. Современные социологические, психологические и культурологические исследования подтверждают мысль, что данный эффект в целом является способом адаптации (если не выживания!) к динамике, агрессивности и непоследовательности Мира.

Человек, применив определенный адаптационный способ, в дальнейшем воспроизводит его в своей деятельности, поведении, если он привел к определенным положительным, с точки зрения человека, результатам. Но результативными и адаптационными формами и способами он определяет такие, которые с позиции внутреннего Я способствовали утверждению у него позиции самодостаточности. Проблема в том, что с точки зрения классической культуры подобные формы и способы являются негативными девиациями.

Человек должен осознавать неповторимость своего проживания в соавторстве с творческими неповторимостями других. Именно творческое отношение к собственной жизни является главным условием совместного проживания-переживания в современном мире.

Поиск перспектив дальнейшего существования и развития современного человека требует определения универсального критерия, который бы отражал именно прогрессивный, восходящий путь, как путь сглаживания или преодоления тех кризисных реалий, которые работают на формирование синдрома «человека предкризисного». Когда речь идет о действительном развитии, то известные критерии прогрессивности – степень свободы, уровень нравственности и материальный – так или иначе, требуют сведения их к критерию гуманизма.

Мы считаем, что главной задачей в формирующих личность сферах является постепенное, но целенаправленное развитие методик «поведенческих культур» – экологической, политической, компьютерной, досуговой и т.д., которые способствуют творческому и гуманному отношению к себе, к окружающим, к жизни в целом. Данные культуры нивелируют стихийный или деформированный жизненным и условиями типы развития, которые отличаются «невдумчивостью», поверхностным и утилитарно-прагматическим отношением к современности, потаканием примитивным потребностям и вкусам, животным инстинктам, т.е. приматом физического.

Сформированность «поведенческой культуры» вызывает в человеке естественную потребность к постоянному удовлетворению интереса к жизни через *самообразование, самоорганизованность и самоопределение, поддерживаемые самоответственностью*. В результате человек живет в гармонии с самим собой, а, следовательно, и с окружающим миром. Позицию личной установки на подобный тип жизни и деятельности нельзя сформировать в одночасье – нужно вырастить поколение, которое бы сделало подобные формы повседневной нормой. Если в России за годы перестройки и «эпоху Ельцина» удалось сформировать в целом непатриотичное и прагматичное поколение с отношением к жизни, не свойственным русской национальной культуре, то обратную установку, мы думаем также можно сформировать. Только процесс этот будет идти сложнее и дольше.

С древних времен человечеством выделены три ценностных качества, релевантных духовному – *истина, красота, добро*. Не секрет, что уровень современного социально-культурного окружения напоминает духовный вакуум, в котором истинную культуру заменил дизайн. Он изменил представления о красоте. Нередко истина заменяется исключительно релятивным субъективным трактованием события. А добро всегда осознается только после погружения во что-то, что стойко ассоциируется в сознании индивида как отрицательное и переживается как зло: добра нет без зла! Данная рефлексия позволяет предположить, что культуросотворяющие возможности образования и воспитания, хоть и с трудом, но способны выправлять кризисные явления нашей жизни, с учетом того, что «самое важнейшее из искусств» и ТВ сегодня в этом деле абсолютно не помощники. Они есть пример успешного (даже не всегда качественного) дизайна. Возникает задача установления здесь корректирующего фактора, возможно, возвращение к цензуре.

В 1995 году Д. С.Лихачев подготовил проект «Декларации прав культуры», главным смыслом которого является назревшая острая необходимость официального принятия международным сообществом принципов и положений, и в дальнейшем законов, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества. В проекте с нравственной и гуманистической позиций сказано о необходимости каждому человеку иметь право на культуру, так же, как есть права на жизнь, свободу и др. Призыв сохранения культуры, «скатывающейся» в пропасть своей негуманной противоположности – «антикультуры», отражает ситуацию, что если не начать действовать, то развивающиеся сегодня процессы приведут к утрате сущностной функции культуры – быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Прошло 10 лет, но «Декларация» все еще является проектом. Несмотря на этот факт, мы, вслед за Дмитрием Сергеевичем, уверены, что именно государство может и должно стать гарантом гуманитарной культуры, а, следовательно, и гуманистического человека.

Итак, гуманизм – основополагающий принцип существования и развития человека и основа «антропологической революции». В силу сущностного волевого начала существование и развитие субъекта еще долго будет подчиняться его внутреннему синтезу энергии воображения и самосохранения, но, осуществляя творческую экспансию в отношении как окружающего, так и себя, человек должен сочетать наступление с принципом «расширения рефлексивной самодетерминации». Обозначается проблема – как не перейти грань от контроля над ситуацией к тотальному контролю над окружающим, т.е., как бы не преодолеть ту самую «золотую середину», о которой говорили древние, и за которой наступают бездуховность и бездушие, а современные философы-антропологи определяют как «мертвость» живого человека. Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Современная культурная ситуация подчиняет человека среде, и это ставит задачу преодоления социокультурного кризиса. Человек живет в вечном

поиске путей. Культурное и общественное реализуется через автономию духа, которая существует в границах культурных суверенных форм – познании, искусстве, общении, нравственности, религии и др.

2. В границах культурных суверенных форм реализуется автономность человеческого духа. Дух, нарушая гармонию природного, участвует в формировании и упрочении ценностного комплекса личности. Сегодня основным влияющим на дух фактором является система массовой коммуникации, массовая культура. Для автономии духа негативный массовый фактор преодолим в контексте категории «благо» по двум направлениям – по отношению к человеку, его духу и по отношению к процессам, средствам, инструментарию массового воздействия.

3. Разрушительный для личности примат рационального отношения к миру поставил человечество в тупик по поводу дальнейших перспектив существования и развития. Процесс преодоления духовного кризиса базируется на возвращении человека к основной бытийной потребности, провозглашенной теоретиками еще в ходе «антропологической революции» – рефлексии, но в ее специфической направленности – культурной саморефлексии.

4. Главная цель сегодня – преодоление культурной ресублимации, характерной для «предельного» существования. Культурная саморефлексия в аксио-антропологическом аспекте – это способность человека делать себя своей собственной проблемой в ситуации противоречивости «человека предкризисного».

5. Масштабом человеческого мира является творчество. Творчество невозможно без свободы. Но свобода в современном мире – больше иллюзия, чем реальность. Следовательно, основным источником свободы являются внутренние резервы человека, его потребность в самореализации. Эту потребность человек должен достигать, учитывая не только мотивацию, но также смысл и ответственность за итог: творчество как самореализация призвано произвести личностную гармонизацию через устранение противоречий онтоса человека и достигнуть состояния усиления контроля воли со стороны Я. Цель волевого контроля Я в творчестве – не перейти грань между «культурным – псевдокультурным», чтобы не оказаться в итоге в «запредельном», т.е «антикультурном».

6. Гуманизм – основополагающий принцип существования и развития человека и основа «антропологической революции». В аспекте аксио-антропологического кризиса принцип гуманизма должен быть основным в сферах, формирующих личность. Он должен быть реализован при разработках методик «поведенческих культур» – экологической, политической, компьютерной, досуговой и т.д., которые способствуют творческому и гуманному отношению к себе, к окружающим, к жизни в целом. Главная цель «поведенческих культур» – формирование у человека интереса к жизни через самообразование, самоорганизованность и самоопределение, поддерживаемые самоответственностью, чтобы человек жил в гармонии с самим собой и окружающим миром.